

Сергей Григорьевич Иванов
Двое

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124003

Содержание

Пролог	4
Часть первая	14
1	14
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Иванов

Двое

Пролог

Стена была огромна, будто поставленная набок равнина. Ее основание и вершина терялись в сером предрассветном тумане, и единообразие гладкого камня нарушал только узкий наклонный карниз, по которому он сейчас спускался, стараясь не отставать от идущего впереди человека. Одеты они были одинаково: пятнистый в обтяжку комбинезон, сапоги до середины голени, широкий пояс. Единственное отличие: голову его спутника защищал металлический шлем, у него же на голове не было ничего. И оба были вооружены – без излишеств, но добротнo. Иногда незнакомец оборачивался, с тревогой вглядываясь в его лицо, шептал успокаивающие слова, называя его почему-то Андром, и снова легким шагом уходил вперед, безразличный к бездне в сантиметрах от своих ног.

Достигнув каменистого дна, они круто повернули в сторону, переключившись на какой-то особый, бесшумный и экономный бег. Единственный ориентир, стену, скоро поглотил туман, но спутник Андра темпа не сбавил.

Спустя примерно час, когда вокруг посветлело, а туман почти рассеялся, они оказались на голой и плоской местности, полого спускавшейся к близкому уже лесу, и дальнейшее их продвижение стало предельно осторожным. Они почти не разгибались, скользя за валунами, ныряя в узкие, длинные овраги.

И вдруг перед глазами возник человек в просторном сером балахоне и, оскалившись, замахнулся прикладом громоздкого ружья. Бездумно Андр сделал мгновенный шаг в сторону и бросил окаменевший кулак в горло нападавшему. Тот, хрипя, упал, но Андр не ощутил ни жалости, ни страха – только холодную неутоленную ненависть.

Он оглянулся. В трех метрах, над запутавшимся в серой ткани телом, стоял человек в пятнистом комбинезоне и смотрел на Андра – будто его отражение. В следующую секунду напарник вытащил из-за спины карабин и побежал к гребню свеженасыпанного холма. Как привязанный, Андр безропотно последовал за ним. Заглянув за камни, они увидели под собой громадную яму, похожую сверху на гигантский, вывернутый наизнанку муравейник – из-за копошащихся в ней сотен людей.

– Меня зовут Ивр, – прошептал его спутник. – Ты помнишь?

– Не... знаю.

– Продержись еще, – попросил Ивр. – Ерунда осталась.

Андр не ответил, всматриваясь в невероятную картину. Изможденные, одетые в рванье люди упорно вгрызались в каменистую почву, подгоняемые окриками вооруженных мужчин в серых балахонах. Напротив нависал над обрывом исполинский котел, до краев наполненный блестящей, как расплавленный металл, жидкостью. Андр еще разглядывал заинтересовавшую его жидкость, когда из-за котла появился человек, покромом одежды и очевидной тренированностью жилистого тела более походивший на Ивра или Андра, чем на мордастых неповоротливых охранников. Остановившись на краю ямы, он наклонился, вглядываясь в землекопов.

– Ты, – показал он пальцем. – Ко мне!

Стриженная, в обрывках платья женщина медленно распрямилась.

– Ну?!

– Нет! – крикнула она, покачнувшись. – За что? Меня уже наказали!..

– Такова Воля, – сказал человек равнодушно. – Ну, живо!

Спотыкаясь, женщина побрела по крутому склону вверх. Двое охранников схватили ее за руки, рывком вытащили из котлована и поволокли к бревенчатому помосту, пристроенному к котлу.

Едва они поднялись на помост, как Ивр вскочил, будто подброшенный пружиной, вскинул к плечу карабин и выстрелил. Тело Андра повторило те же движения мгновением позже. Стражников смело с помоста, женщина попятилась, растерянно озираясь.

– Стоять! – оглушительно рявкнул Ивр. – Руки за голову!

Рука одного из охранников скользнула под балахон.

Снова удивив себя безжалостностью, Андр дернул в его сторону дулом, и тот покатился по склону тряпичной куклой. Тут же выстрелил, падая за камень, Ивр. Позиция у них была великолепная – все как на ладони, и перестрелка длилась недолго: уцелевшие охранники сочли за благо сложить оружие. Ушел один – тот самый, непохожий на других. Он метнулся за котел, над краем мелькнули его руки, зачерпнули в ладони жидкость и исчезли.

– Ах, чтоб тебе! – В сердцах Ивр ударил кулаком по камню. – Да сколько можно!..

Из-за котла выскочило стремительное существо, кожа которого блестела на солнце, будто полированный камень, и, пригнувшись, бросилось к зарослям. Андр выстрелил, еще раз, и существо растворилось в кустах. Он готов был поклясться, что видел, как от голой сверкающей спины отскакивают пули.

– Авось не добежит, – произнес Ивр. – Авось сгорит.

Поднявшись, он шагнул к обрыву.

– Уходите! – крикнул он. – Живее, ну!

Люди торопливо карабкались по склонам, исчезали в лесу. Через несколько минут котлован опустел, и тогда Ивр сорвал с пояса небольшой цилиндр, широко размахнулся и метнул его через яму. Ухнул взрыв. Котел грузно приподнялся, ломая помост, и медленно опрокинулся. Жидкость хлынула в яму. Ивр дернул Андра за руку, и они бросились прочь. Когда Андр оглянулся, из котлована выползала тяжелая черная туча.

Теперь они бежали вдоль границы огромного леса, по-видимому, возвращаясь другим маршрутом. Андр вдруг заметил, как что-то сверкнуло в глубине джунглей, и остановился, вглядываясь. Вспышка повторилась, резанув по глазам болью. Голова закружилась, Андр покачнулся. Толчок в спину швырнул его на камни. Рядом упал Ивр.

– Нашупали, пауки! – сказал он с досадой. – Ладно, полежим.

Андр опустил голову на руки и закрыл глаза.

Очнувшись, Андрей открыл глаза и некоторое время угрюмо созерцал потолок. Достукался, думал он, доэкспериментировался, доаутотренинговался. Развил, называется, воображение!.. Конечно, сны – штука занятная, но только до тех пор, пока их можно отличить от реальности. Иначе это сродни помешательству.

Поднявшись, он прошел в ванную, сунул голову под кран. Холодная вода его слегка взбудорила. В конце концов, подумал он, это только сон. Стоит ли расстраиваться?

Вернувшись в комнату, Андрей вставил кассету в видеоплеер, развалился в кресле напротив экрана. А сюжет занятный, думал он, глядя на пляску красок, но не видя ее. Стоит записать, потом это можно будет обыграть...

Рука потянулась за тетрадь, но на полпути застыла в воздухе. «Нет! – чуть не выкрикнул он. – Не может быть! Я не хочу!..»

Размеренное, сонное, чужое дыхание на задворках сознания, которого он старался не замечать, вдруг оборвалось, и мир перед глазами поплыл, странным образом оставаясь неподвижным.

Андр полз следом за Ивром, ужом скользившим между камней, и пытался разобраться в своих ощущениях. Что-то разладилось в нем. На мелькавшие перед глазами валуны наслаивались отлично знакомые ему, но совершенно неуместные здесь картины. Это тревожило

и раздражало, но хуже было, когда тело сковывали непонятные ему страх и отчаяние, мозг захлестывали волны беспричинной паники, и тогда Андру приходилось безжалостно подавлять бунт психики.

Ивр поднялся и побежал пригибаясь, – единственный надежный ориентир в распадающемся мире. Сосредоточившись на борьбе с раздвоением, Андр следовал за ним вплотную.

И вдруг сумятица разом прекратилась. Они все глубже уходили в горы, озираясь и не выпуская из рук оружия. Без осложнений добрались до укрытого кустами входа в пещеру, долго кружили по коридорам каменного лабиринта, пока наконец их не встретили знакомые Ивру люди.

Андрей открыл глаза – будто вынырнул на поверхность. Эти несколько часов добавили ему седых волос. Первые минуты, впад в панику, он отчаянно пытался подавить, обрвать поток псевдореальной информации, внезапно нахлынувшей на него невесть откуда, но усилия эти приводили лишь к головокружениям и адской головной боли. На время Андрей вынужден был отступить, чтобы попытаться успокоиться и собраться с силами. Но и все последующие попытки вернуться в реальность неизменно наталкивались на чье-то жесткое, угрюмое сопротивление. И только когда этот второй, Андр, достаточно углубился в горы, Андрей почувствовал себя свободным. Галлюцинации сохранили ясность, но уже не давили, не мяли его психику.

Толкнув низкую дверь, Андр вступил в скудно обставленную, вырубленную в скале комнату. Напротив входа висело большое, в рост человека, зеркало. Несколько минут он внимательно вглядывался в себя, но особых перемен не обнаружил. Разве что выглядел он сейчас суше и чуть старше, а скулу пересекал тонкий шрам.

Центр комнаты занимал массивный, грубо сколоченный стол с единственным стулом. На столе одиноко лежал альбом. Андр подошел, открыл альбом и тотчас понял назначение комнаты. Здесь утратившие память выучивали наизусть собственную биографию, поскольку образовавшуюся пустоту необходимо было заполнить хоть чем-нибудь.

Итак, его звали Андром, и судьба его не вызывала жалости, хотя и походила на страшную сказку. Ему было двенадцать лет, когда всю его непокорную семью с чудовищной жестокостью истребили Служители набиравшего силу Культа. Мальчика спасла случайность, и несколько недель он скрывался в джунглях, выслеживая убийц. После того как Андр из отцовского ружья застрелил двоих, на него организовали охоту и он едва ушел – без оружия и с пулей в плече.

Полтора месяца, скрываясь в лесу, Андр восстанавливал силы, затем снова вернулся к своему дому, превращенному новым режимом в казарму. В одну прекрасную пасмурную и ветреную ночь он заколол постового, тщательно запер все двери и окна и поджег дом с нескольких сторон. Не дожидаясь облавы, Андр снова отступил глубоко в джунгли, но через неделю вернулся опять, чтобы рассчитаться с главными своими врагами – Служителями.

Прошел почти месяц, прежде чем он смог осуществить план, родившийся в его голове, когда он метался в горячке после ранения. Выкрав на складе парализатор, Андр впрыснул его в монастырский водопровод и, когда ночью он вступил в монастырь, никто из его обитателей уже не мог шевельнуться. Смуглый и голый, с клинком в руке, он ходил между Служителями, находил врагов и убивал их. Счет был большим: Андр мстил не только за свою семью. Обойдя всех, он загрузил один из монастырских вездеходов оружием и провизией и навсегда покинул родные места. В третью ночь пути его автомобиль атаковала шайка Диких Дервишей, и Андру в очередной раз пришлось укрываться в джунглях. Это было время, когда Движение Борьбы только-только зарождалось. В труднодоступных районах возникали небольшие и пока плохо оснащенные отряды противников режима – тех, кто не желал превращаться в проводников темной воли Отца, кто привык мыслить сам, без подсказки. В один из таких отрядов и попал в конце концов Андр. Здесь он встретил Борга – давнего друга его

семьи, который настоял, чтобы мальчик отложил на время карабин и прошел полный курс обучения в недавно созданной Школе Борцов. За пять лет из одержимого мстителя Андр превратился в убежденного противника самой идеи Служения, в боевика-профессионала. Здесь же, в Школе, Андр сдружился с Ивром, подростком бесстрашным и азартным, темперамент которого Учителя сумели организовать и направить в русло Борьбы. По завершении обучения Ивр стал бессменным напарником Андра, и это сочетание характеров оказалось счастливым – их двойка сразу вошла в число удачливых.

Что же до котлов с таинственной «жидкостью», то без этого своего козыря Отец не продержался бы у власти и года. «Жидкость» генерировала амнезийное поле, защищавшее режим от многочисленных врагов и превращавшее его подданных в марионеток, живущих сегодняшним днем и программируемых ежеутренним инструктажем. Неуклонно расширявшаяся система Котлов оттеснила Борцов на окраины страны и свела всю их деятельность к борьбе за выживание. Положение усугублялось еще и тем, что в амнезийном поле Борцы лишались памяти в считанные минуты, хотя у тех, кто жил там постоянно, памяти хватало почти на сутки. Немногие избежавшие беспощадного истребления ученые ухитрились разработать защитные шлемы, но аккумуляторы в них разряжались за несколько часов, так что пути в глубь страны были для Борцов закрыты. Природа амнезийного поля до сих пор оставалась загадкой, но это была лишь одна из многих тайн, связанных с личностью Отца. Лет двадцать назад, когда Отец только утверждался во главе государства, на него было совершено с полдюжины покушений, доказавших его невероятную живучесть и положивших начало мифу о его божественном происхождении, а затем и Культуре.

Отложив альбом, Андр обежал глазами комнату. Конечно, все это невероятно, подумал он, но вполне связно и убедительно. Исключая одно: я все помню, но помню совершенно не то, о чем поведал мне этот альбом. Я не Андр, я не Борец, и вообще – я не из этого мира! Как я сюда попал?

Он снова шагнул к зеркалу, с пристрастием себя оглядел. И так, я это или не я? Черт возьми! Я же помню, я все помню: кто я, откуда, где живу, работаю... Все! Но откуда тогда эти ненависть и боль? Что лжет: альбом или моя память?

Услышав шорох, Андр круто повернулся. В дверях стоял высокий худой мужчина с седой шевелюрой и усталым морщинистым лицом.

– Я – Борг, – предупредил он. – Ты уже закончил?

– Да, – ответил Андр с усмешкой. – Прожил жизнь заново. Вы, кстати, не перепутали альбомы?

– Типичное ощущение, – кивнул головой Борг. – Что делать, другого способа вспомнить мы мы не придумали.

– Тем хуже для нас. Отец-то, похоже, этот другой способ знает.

– Он вообще знает слишком много. Вопрос – откуда?

– И что же, в стране не нашлось ни одного человека, устойчивого к амнезийному полю?

– Ни единого, – подтвердил Борг. – В этой дьявольской «жидкости» заключена бездна энергии. Наверное, такого человека нет на всей планете.

– А что стало с теми, кого вы пытались заслат в Столицу?

– Мы, – мягко поправил Борг. – Мы, а не «вы». Подсознание полем не затрагивается, так что они не становились ни подлецами, ни предателями, но начисто забывали свое прошлое, цели и методы Борьбы, становились бесполезными для нас и, скорее всего, погибали... Да ты все узнаешь в ближайшие дни: тебе предстоит напряженная учеба.

Андр приблизился к закрывавшим стену книжным полкам, пробежал пальцами по корешкам.

– Возможно, мне понадобится гораздо меньше времени, чем вы думаете, – сказал он негромко и обернулся.

Борг смотрел на него, задумчиво потирая подбородок.

Досмотрев сюжет до конца, Андрей со всей искренностью пожелал двойнику спокойного и долгого сна и вернулся в свой будничный уютный мир.

Что будем делать? – спросил он себя. Диагноз определен: раздвоение личности. – Я – псих! – он нервно хмыкнул. – Но почему? Как это могло случиться со мной, с моей сбалансированной, тщательно оберегаемой от перекосов психикой? И ни одного сколь-нибудь значительного потрясения за последние месяцы!.. Чего мне не хватает?

Андрей взглянул на часы. В институт, конечно, безнадежно опоздал. Пойти? А если вдруг скрутит на виду у всех? Нет, упаси боже, только не это! Сходить с ума лучше без свидетелей.

Повернувшись к телефону, Андрей набрал номер.

– Алло! – бодро сказал он в трубку. – Санек? Привет! Поздравь меня – я заболел. Как по-твоему, наука не пострадает, если я денек-другой поваляюсь на диване?

С минуту он, кривя губы, слушал сочувственно-ехидные предположения, заверения и пожелания завлаба, потом произнес:

– Ладно, рад за вас. В случае чего – звони, я дома. Всех благ!

Это улажено, подумал он, опуская трубку. А как быть с остальным?

Встав перед зеркалом, Андрей долго и придирчиво разглядывал свое лицо. Да, признал он честно, это вам не Андр. Где энтузиазм, где самоотреченность? Сытый, самодовольный тип – сходство чисто внешнее... К черту! Надо бороться, Андру нельзя давать волю. Я справлюсь, я должен! Это мой мозг. Раздвоение, расстройство – вам что здесь, общежитие? Мне и одному тут тесно!..

Андрей показал отражению кукиш – накося! Отражение ответило тем же. Ухмыльнувшись, он упал в кресло. Ладно, поглядим. Андр – малый решительный, но пусть не надеется расправиться со мной так же легко, как с теми недоумками в балахонах. Я найду, что противопоставить его прямолинейной тактике, это ему не в Служителей из-за камней стрелять. И хватит об этом! Надо отвлечься.

Андрей поднялся и пошел за гантелями.

Андр проснулся, будто его толкнули в бок, и некоторое время лежал неподвижно, осмысливая пришедшую во сне идею. Стало быть, я все-таки Андр. И я забыл все начисто, потеряв по нелепой случайности шлем. Но еще до альбома пустоту в памяти заполнили воспоминания Андрея – ему-то плевать на амнезийное поле, он находится... неважно где, лишь бы подальше! И все, что я теперь вижу, откладывается в его сознании, и я волен брать это там в любое время... то есть амнезия мне больше не грозит, я устойчив к Полю!.. Но это требует проверки. Если и в самом деле вблизи Котлов интенсивность Поля возрастает многократно...

Андр поднялся и вызвал по интеркому Борга.

– Когда следующая акция? – спросил он. – Я должен участвовать.

После паузы Борг осведомился:

– Тебе это действительно необходимо?

– И не мне одному.

– Выход через три часа.

– Со мной пойдет Ивр.

– Я скажу ему. А ты досыпай пока.

Хватит паниковать! – сказал себе Андрей. Ты же ученый – отвлекись от того, что это происходит с тобой, решай, как абстрактную проблему. Спокойнее, спокойнее... Что-то здесь нечисто. Поверив в свое сумасшествие, я пошел по проторенной дорожке – версия банальная и скучная. А почему не предположить, что я действительно «слышу» некоего Андра, живущего непонятно где? Кто сейчас может с уверенностью очертить границы воз-

можностей человеческих? Разве что невежды, но с них-то какой спрос?.. И так, Андр провалился ко мне. То ли его воля, его жизнеспособность, его ненависть оказались выше некоего порога, то ли он просто иной из-за благоприятной мутации, но в амнезийном поле Андр сумел напрямую связаться с другим, видимо, идентичным сознанием, позаимствовав у него память для своих нужд. И если внутри амнезийного поля происходят как запись, так и считывание, то снаружи – только запись. Активной стороной здесь, скорее всего, выступает Андр, но и я не без греха: вполне возможно, что немалую роль сыграли мои неосторожные заигрывания с подсознанием. Мы как бы рыли тоннель навстречу друг другу.

Куда же это меня занесло? Очень похоже на Землю, но, разумеется, не Земля. Вселенная велика, а если добавить сюда еще и параллельные миры... Где я, братцы? Или все же психоз?

Чем бы это ни было, цель прежняя: полный контроль сознания. Если Андр существует в действительности – тем хуже для него! Пусть знает свое место. В роли просителя я бы его еще потерпел, но с захватчиками разговор короткий.

Андр ощутил присутствие Второго сразу, как только двойка вступила в Поле. На этот раз Андрей был спокойнее, решительнее и, видимо, опаснее. Как некстати! – подумал Андр. – Не влез бы под руку.

Ивр обладал удивительной способностью ориентироваться при почти полном отсутствии видимости. Снова он вывел двойку на цель сразу после рассвета и с завидной точностью. Обезоружив охрану, они рассеяли каторжан, но от заключительного аккорда Андр напарника удержал. Приблизившись к Котлу, он потянул с головы шлем.

– Спятил?! – Ивр рванулся к нему, но Андр уже стоял с обнаженной головой, держа шлем в руках.

– Что ты... наделал? – потрясенно выговорил Ивр.

– Тихо, тихо!.. В крайнем случае проштудирую свой альбом еще раз.

Прислушиваясь к себе, Андр терпеливо следил за стрелками часов. Минута... две... пять... десять... тридцать. Достаточно?

– Все в порядке, – сказал он, надевая шлем. – Можешь взрывать.

Швырнув под Котел гранату, Ивр в полном недоумении последовал за Андром.

– Не понял? – спросил Андр. – Может, для наглядности мне следовало в Котел окунуться?.. Ладно, только не болтай!

На обратном пути они угодили в засаду – сказались, видно, те полчаса, на которые их задержал эксперимент Андра. Привычные к быстротечным стычкам, боевики слаженно повернули в сторону, стремительным броском прорвали кольцо и стали уходить, перебегая от камня к камню и стреляя часто и точно. Обычно такие погони обходились режиму слишком дорого, но каждый раз они развивались по единому сценарию: амнезия в этих случаях становилась Борцам союзницей.

«Глаза закрой! – прикрикнул Андр на Второго. – Мешаешь!»

Ворча и огрызаясь, Андрей подчинился: все-таки он был по эту сторону баррикады.

Двойка уже почти оторвалась от погони, как вдруг Ивр сдавленно выругался и упал на колени, стискивая бедро. Андр метнулся к нему.

– Прочь! – рыкнул Ивр, отталкивая его. – Ты сейчас...

Не вступая в переговоры, Андр рубанул напарника ребром ладони под ухо, взвалил обмякшее тело на плечо и побежал. Погоня возобновилась с новым азартом. Андр бежал, задыхаясь и спотыкаясь, часто останавливался, чтобы перевести дух и сбить пыль с самых ретивых. Но с каждой минутой сохранять дистанцию становилось все труднее.

Внезапно у Андра резко, скачком прибавилось сил. Он набрал скорость и легко оторвался от преследования, не заметив, что одна из последних посланных вдогонку пуль оцарапала ему плечо.

И только углубившись в горы, понял, что ему помогал Андрей. Оказывается, суммируя волю, они могли извлекать из мышц Андра двойную силу.

Смежив веки, Андрей разглядывал глазами Андра окрестные горы. Двойка уже покинула поле, и странный, двусторонний, взаимопрощупывающий контакт между двойниками прервался – теперь поступающая информация была лишена эмоциональной окраски. Не без смакования Андрей перебирал в памяти события последних часов. Техника рукопашного боя у Андра отработана на диво – это не тот десяток ударов и блоков, которыми довольствовался Андрей. А сравниваться в стрельбе вообще не имело смысла.

Андрей потянулся растереть зудящее плечо и охнул от боли. Выпростав плечо из рубашки, он с изумлением обнаружил на нем свежую ссадину. Ого! – подумал Андрей. – Полное растворение, оказывается, чревато! Участвуя в событиях вместе с Андром, я и рискую наравне с ним... А все же лихо мы их обставили! – Андрей негромко рассмеялся. – Они-то уже думали: конец бунтарю.

Андр утопил клавишу, и комнату наполнил проникновенный чарующий голос – голос Брата, Отца, Бога. Он был полон мудрости и доброты, слушать его хотелось вечно...

Убавив громкость, Андр ослабил действие чар и стал вникать в смысл слов, который до сих пор просачивался в сознание словно бы с черного хода, укрытый за звучанием волшебного голоса.

Речь была построена безукоризненно и могла служить образцом ораторского искусства. За этим, вторым, заслоном таились простые, даже примитивные догмы. История страны чудовищно искажалась и вкратце сводилась к следующему: вначале были хаос и нищета, затем миру явился Отец и повсюду установились Порядок, Стабильность и Процветание. И горе врагам спасительной идеи, врагам Отца!.. Эта тема освещалась многократно и всесторонне, в обход воли внушая веру в подлинность догм.

Андр не принял бы этой сладкой лжи, даже если не был бы сейчас вооружен знанием истории Земли-1 и знакомством, хотя и поверхностным, с событиями, действительно имевшими здесь место. Но он был Андром – бойцом и бунтарем, органически не терпевшим над собой высшего авторитета, ненавидевшим саму идею Бога. А что мог противопоставить этому заклинанию обычный, почитающий закон и власть, гражданин, память которого к тому же отшибли амнезийным полем?

Передача закончилась. Беспмятное стадо снова превратилось в монолит, преданный Отцу и Идее.

Сакраментальный вопрос: почему я? Ну да, мы с Андром во многом похожи, но это сходство таит в себе и неудобства: для Андра я чересчур своеволен. Если бы он завладел менее строптивым сознанием и – разумеется, в высших целях! – использовал его на всю катушку, это было бы лучше для него, для Движения... ну и для меня, само собой. И такой вариант осуществим – для человека, владеющего азами гипноза. Найти достаточно впечатлительного субъекта, настроить его на волну Андра и... В конце концов, в наш век потребительства легко отыщутся любители острых ощущений, которые пойдут на это добровольно. А что такое Андр и как он умеет подмять под себя – это им знать не обязательно.

Открытым остается вопрос: смогу ли я простить себе подобное малодушие?

– Ты – наша единственная, если не последняя надежда, – негромко говорил Борг. – Сейчас мы бессильны предпринять что-либо более радикальное, чем взрывы Котлов, и так может продолжаться десятки, сотни лет – пока не будет разгадана природа амнезийного поля. Поэтому избегай авантюры, не ввязывайся ни во что хоть сколько-нибудь рискованное, если есть обходные пути. Всегда помни, что малейший твой промах может обернуться веками чудовищного по жестокости и бессмысленности режима!

– Я понял, – сказал Андр нетерпеливо.

– Твоя первая задача: проникнуть в Столицу и утвердиться в ближайшем окружении Отца. Ни в коем случае не пытайся на этом этапе связаться с нами, все равно ничем помочь тебе мы не сможем. Ты должен узнать, кто такой Отец, откуда его сила и в чем слабость. А главное: разберись с Полем – что это, черт возьми, за напасть на наши головы? Лишь только после этого можешь выходить на связь, лучше – на прямую.

– Вернуться?

– Если это будет безопаснее, чем попытаться уничтожить Поле самому. Сумей ты снять его хотя бы на несколько суток – одно это уже дало бы нам шанс.

– Когда выходить? – спросил Андр.

– Дней через десять. Надо подготовить внедрение.

Дверной замок пропел «Калинку». Этого только не хватало! Какого дорогого гостя черт принес?

Поколебавшись, Андрей распахнул дверь и позволил себе немного расслабиться, увидав Лику. Странное сочетание, снова подумалось ему, – улыбка на губах и боль в глазах.

– Я войду? – спросила девушка.

– Ну конечно!

Андрей провел ее в гостиную.

– Мне сказали, ты заболел. Вот, – Лика протянула ему пакет с апельсинами. – Дань традиции.

– Тронут. Садись. Есть хочешь?

– Нет.

– Тогда будем пить.

Андрей достал из буфета бутылку, разлил по рюмкам коньяк.

– Лечишься?

Кивнув, он бросил содержимое рюмки в рот, наполнил ее снова.

– Не узнаю тебя, – сказала Лика.

– Что делает с человеком болезнь!

– Что-нибудь случилось?

– А?

– У тебя неприятности?

Уж эти мне телепаты! – подумал Андрей. – Обложили.

– Не бойся, не сопьюсь, – сказал он, обдирая апельсин. – Ты-то чего стесняешься?

Лика послушно пригубила.

– Давно тебя не видел, – сказал Андрей. – Даже забывать стал.

– Я не вовремя, да? Ты кого-то ждешь?

– Никого, – мотнул он головой. – Я рад тебе. Честно.

Девушка неуверенно улыбнулась.

– Кажется, тебе действительно плохо, – сказала она.

– Эй, ты чего? – поднял брови Андрей. – Вздумала меня пожалеть? Сдай назад, со своими проблемами я как-нибудь справлюсь сам!

– Кто же спорит?

– Почему не пьешь? Не нравится?

– Кто-то же должен оставаться трезвым.

– А ты когда-нибудь видела меня пьяным?

– Ты никогда не пил в таком темпе.

Андрей опрокинул в себя третью рюмку и решительно поставил ее на стол ножкой кверху.

– Все! – объявил он. – Завязал.

Притушив свет, он включил магнитофон и развалился в кресле, лелея в себе тепло и покой.

– Останешься? – спросил Андрей, с откровенным удовольствием разглядывая девушку. Лика покачала головой.

– Кварц, сауна, массаж?.. – соблазнял он.

– В другой раз.

– Ясно, – Андрей осклабился. – Свято место пусто не бывает?

Девушка зябко повела плечами.

– Холодно? – он потянулся к кондиционеру. – Я убавлю.

– Нет, ничего. Я только не понимаю, отчего ты стараешься быть жестоким.

– А я боюсь быть добрым, – серьезно ответил он. – Не за себя боюсь.

Лика подняла на него глаза, и в ее взгляде Андрею почудилась жалость.

– Ладно, пойду, – сказала она, вставая. – Если я действительно понадобится... Не забыл еще мой телефон?

– Вспомню, – отозвался он. – Если припрет.

У двери Лика обернулась.

– Ну? – спросил Андрей. – Как? Долго я еще протяну?

Не ответив, Лика тихо прикрыла за собой дверь. Подойдя к окну, Андрей провожал взглядом ее легкую ладную фигуру, пока та не скрылась за поворотом. Хорошо это или плохо, думал он, что я еще способен ощущать себя мерзавцем? Что бы произошло, если бы мы с Андром поменялись местами? Боюсь, в этом случае Лика выиграет значительно меньше, чем потеряет Движение...

Ну что же ты, умник? Не ты ли сетовал, что у людей атрофируется способность к Поступку? В чем же дело? Или ты считаешь риск неоправданным? Ну да, конечно! На одной чаше весов судьба страны; на другой – твоя драгоценная, обожаемая, никому, в общем, не нужная жизнь. Что перетянет? Полагаешь, у тебя есть выбор?

Вот только с чего я решил, будто нам сказали правду? Андр поверил, но я-то не Андр. Это ему все ясно и просто: есть враг, есть цель – иди сражайся, побеждай, умирай... А я? Если б и я мог так же легко поверить, принять. Но где там! Образованные все стали, скепсис пропитал нас насквозь... А если это все же мой бред, и, поддавшись, я паду жертвой собственного воображения?

Андрей покривился: все-таки паскудно устроен человек – всегда находит пути к отступлению.

Он сел за стол, достал чистую тетрадь и стал быстро писать, стараясь не пропустить ни одной мелочи.

«Андрей! Эй! Да проснись же, соня!»

«Что?!.. Кто это? Кто меня зовет?»

«Тихо, не паникуй! Это я.»

«А-а... друг Андр. Решил-таки наладить личный контакт?»

«Нам нужна твоя помощь.»

«Так разве я отказываю?»

«Речь идет не только о твоей памяти. Требуется активное участие.»

«Что в тебе подкупает, так это чувство меры. Мало того, что из моего чердака ты устроил проходной двор, так я еще должен рисковать головой ради ваших сомнительных целей?»

«Понимаю твои сомнения, но что нам мешает разобраться?»

«Разобраться, ну да... Не оказалось бы поздно.»

«Ну рискни! Ты же ученый, перед тобой ворох тайн...»

«Э-э, не спекулируй на моих слабостях! Чтобы сунуть нос в замочную скважину, не обязательно лезть головой в петлю.»

«Все ясно. Это твое последнее слово?»

«Ну и фраза – будто из зала суда! Напрасно кипятишься, боевик, – вопрос уже решен, я участвую в вашем бедламе на все сто. Так что иди и спокойно упаковывай чемоданы.»

«Н-да, весело живешь.»

«Не завидуй. Может, недолго осталось мне веселиться.»

"Лица, привет тебе с «того света»! Что со мной произошло, ты узнаешь из прилагаемой тетради, хотя все же надеюсь, что ни она, ни письмо к тебе не попадут – иначе это будет означать, что я основательно увяз в своем приключении.

Завтра мы с Андром отбываем в Столицу. Для меня это будет странное путешествие: я буду все видеть и слышать, даже осязать, но при этом брэнная моя оболочка квартиры не покинет. Официальная версия: выехал на заслуженный отдых, может быть, даже в Крым. (Эх!..) По счастью, в институте сейчас затишье, так что мне не стали препятствовать, когда я затребовал отпуск за два года, да еще прихватил месяц за свой счет. Обернусь ли? Больше всего меня пугает мысль, что мой прекраснотушный порыв мог быть спровоцирован пустышкой и что я рискую принять смерть от собственного слетевшего с катушек воображения.

К тебе просьба: попытайся опубликовать мои записи. Форма значения не имеет – лишь бы вышли. Может, в массе читателей найдется еще хоть один ненормальный, который пережил нечто подобное. Если у него хватит пороха, он на тебя выйдет. Отнесись к этому серьезно. Я не хочу, чтобы дело заглохло, – оно кажется стоящим.

Вот и все, пожалуй. Надеюсь, ты не будешь вспоминать обо мне слишком плохо.

Твой (теперь уже навсегда) Андрей".

Часть первая

1

Каждое утро через джунгли по извилистой тропе гнали колонну работников. У котлована от нее отделялась примерно треть и уходила дальше, по просеке. Эти шли еще долго, сбивая ноги о торчащие всюду пни, утаптывая проросшие за ночь побеги, пока не упирались в тупик, и здесь работников снова делили на две группы: женщины принимались рубить тяжелыми ножами кусты и отделять ветки от деревьев, которые валили, а затем, после обработки, отгаскивали в сторону и складывали в штабеля мужчины. Строго говоря, рубщиков не охраняли: немногочисленные солдаты сопровождения выбирали место потенистее да попрохладнее и уже оттуда распоряжались, покрикивали, наблюдали за разбредшимися по вырубкам работниками. Свое укрытие они покидали только в случае крайней необходимости, справедливо полагая, что ни одному нормальному каторжанину в голову не придет пытаться от размеренной и привычной жизни сбежать в неизвестность.

Именно здесь, на вырубках, боевики высмотрели огромного костистого парня, трудившегося с туповатой размеренностью вола и, кажется, не уступавшего тому ни в силе, ни в выносливости. Уже второй день Андр следил из глубины зарослей за этим необычным рубщиком, перенимая нехитрые навыки работы, запоминая привычки и характерные жесты приглянувшегося им парня, до сих пор не переведенного в Служители разве что из-за своего исключительного миролюбия.

Наблюдатель из второй двойки подал наконец сигнал. Ивр коротко стиснул плечо Андра, и они сорвались с места, скользя меж кустов с обычной неприметностью боевиков. Рубщик увидел их, только когда они возникли прямо перед ним. На его лице еще проступало удивление; уронив конец бревна, он с усилием выпрямлял натруженную спину, когда Ивр с приветливой улыбкой шагнул вплотную, финтом левой руки заставил гиганта повернуть голову, а правой, будто играя, щелкнул по открывшейся шее. С тем же недооформившимся выражением на лице рубщик повалился вперед. Ивр принял на плечи тяжелое тело, подмигнул Андру и растворился в кустах вместе со своей ношей.

Нагнувшись, Андр подцепил конец ствола и поволок дерево к штабелям – такой же рослый и мускулистый, как выкраденный боевиками рубщик, облаченный в точно скопированные лохмотья, даже перекрашенный и осторожно загримированный под этого парня. Расчет строился на том, что сейчас, в начале дня, пока обретавшие свежую память люди еще не успели присмотреться друг к другу, подмены попросту не заметят. И в самом деле, новые товарищи не обратили на Андра никакого внимания.

Первое время Андра беспокоили пристальные взгляды охранников, пока – не без неожиданной подсказки двойника – он не сообразил, что у этих сторожевых псов, возвращенных в культе силы, невольное почтение вызывали его мощные выверенные движения. И дальше Андр старался работать на виду, добываясь у охранников одобрительного ворчания и приглядываясь к ним сам.

В полдень прикатил дребезжащий вездеход, окутанный клубами вонючего дыма. В объемистом чреве этого престарелого монстра обнаружили проржавелая бочка и груда помятых мисок, по которым разлили водянистую, отдающую гнилью бурду. Андр предпочел не рисковать благополучием желудка и, отойдя в сторону, выплеснул свою порцию в яму.

День прошел без происшествий, если не считать нескольких обычных для этих мест смертей рубщиков от укусов змей и насекомых, да гибели еще одного обессиленного до состояния полной невменяемости пожилого работника, которого охранники коваными при-

кладами ружей превратили в кровавое месиво – без злобы, посмеиваясь, с видимым удовольствием.

Вечером их снова построили в колонну и погнали обратно, по удлинившейся за день просеке. Уже в темноте на расчищенной перед бараками площадке провели торопливую перекличку и стали загонять на ночлег.

Андр плелся одним из последних, беззвучно скалясь на подгоняющие тычки прикладов. Осторожно маневрируя, он подгадал так, чтобы за спиной оказался тощий немолодой охранник, суетливо утверждающий на многострадальных хребтах работников свою неувядающую полноценность. Когда-то этот старик был, наверное, крупным и крепким мужчиной, но по мере упадка сил он опускался все ниже, пока не достиг дна, дальше которого была только смерть: одряхлевшему сторожевому псу была заказана дорога даже в работники.

Андр огрызнулся на очередной удар, и охранник размахнулся, целясь впечатать приклад уже в полную силу. Будто случайно, Андр качнулся в сторону, и приклад скользнул по спине, сдирая лохмотья. Охранник едва устоял на ногах, в стороне кто-то злорадно заржал. Торопясь, старик схватил ружье за ствол и снова размахнулся, метя на этот раз в голову. С той же рассчитанной до сантиметра медлительностью Андр отклонился от удара, повернулся к противнику лицом и ухмыльнулся.

– Ну-ка, покажь прыть! – раздался из темноты высокий, как у подростка, голос. – Давай, разрешаю!

Наклонив голову, охранник ринулся вперед, обрушив на Андра град беспорядочных, отшлифованных многолетней практикой ударов. Но ни один из них не достигал цели. Андр не пытался перейти в наступление, даже не поднимал рук, чтобы не вводить в искушение охранников, сбжавшихся со всего лагеря поглазеть на потеху. Он только ускользал от ударов – с тяжеловесной неуклюжестью человека, изнуренного пятнадцатичасовой работой.

Продолжалась схватка недолго, пока выдохшийся и растерявший последние силы охранник вдруг не отступил – глаза сумасшедшие, дряблые щеки трясутся – и, перебросив ружье прикладом к плечу, не дернул стволом на Андра. Зрители за спиной Андра с испуганной руганью раздались, сам он тоже поспешно шагнул в сторону. Но выстрел не прозвучал: над головой обезумевшего старика по стремительной дуге мелькнул приклад, завершив движение на его темени. За осевшим телом открылась дородная фигура с плешивой головой, перетянутая узорной лентой Служителя. На неподвижном жирном лице застыла обида – давняя, застарелая, не смываемая амнезией.

– Падаль убрать! – приказал Служитель тем же странно высоким голосом. – Ствол и рясу – ему, – он ткнул пальцем в Андра, затем, повернув голову, уставился на ближайшего охранника, нетерпеливо пощелкал пальцами, наконец вяло махнул пухлой кистью, снова ткнул пальцем. – Ты! Возьмешь новичка в дежурство. Все, отбой!

И, повернувшись спиной – к Андру, к охранникам, ко всему миру, – Служитель вразвалку зашагал к небольшому приземистому строению, волоча за собой винтовку, будто палку.

Вот и все, думал Андр, неловко прижимая к груди сунутое ему ружье и улыбаясь соленым островам охранников с туповатой застенчивостью потомственной деревенщины. Кажется, наш психологический этюд удался, иначе вместо этого допотопного ствола я вполне мог бы получить пулю в затылок.

«Обрадовался! – подал вдруг голос двойник. – Дальше-то что?»

«И все же дела не так плохи, – отозвался Андр, – раз они помнят не только команды».

«Поздравь их за меня!»

К Андру уже подходил упитанный, коренастый охранник, флегматично перемалывающий во рту наркожвачку. Дружелюбно ткнув Андра кулаком в ребра, он ругнулся вместо приветствия и махнул рукой, приглашая за собой. Они пошли вдоль барака, на бревенчатой

стене которого Андр разглядел полуобугленные останки распятого работника – от них разносился вокруг удушливый запах. Подойдя к двери, охранник, а за ним и Андр вступили внутрь.

Больше всего барак напоминал крытый вольер, разделенный проволочной сеткой на узкие клетки, тянущиеся по обеим сторонам сквозного прохода. Две трети каждой клетки занимали двухъярусные нары, в изголовье которых размещались динамики ежесуточного инструктажа. Большинство работников уже спало, бодрствовали только счастливицы, к которым в награду за дневное усердие на ночь подселили женщин.

– Чего делать-то? – спросил Андр, озираясь и морща нос, – воздух здесь был тяжел и смраден, будто барак не проветривали со дня постройки.

– А ничего, – отозвался охранник, сосредоточенно скребя щетинистую физиономию. – Сиди здесь, – он кивнул на кресло-качалку, попавшее сюда невесть откуда, – качайся. Можешь соснуть. Но если стадо расползется, тебя вздернут, понял?

Андр кивнул.

– Понятливый, стервец! – хохотнул охранник. – Дрын в углу видишь? Ежели кто верещать во сне вздумает, ты его в бок, в бок!.. чтоб народ не мутил. И все!

Он достал из-за пазухи замусоленный сухарь, со словами «Жри, дурень!» сунул его Андру и двинулся вдоль клеток, задумчиво насвистывая и поглядывая по сторонам. У одной из дверей остановился, повозился, открывая замок, и вошел внутрь. Сквозь проволочные перегородки Андр видел, как охранник молча перевернул на спину какую-то женщину, навалился всей массой и, преодолев робкое сопротивление, овладел ею. Затем протяжно зевнул, поднялся и, заперев клетку, побрел к выходу, поправляя рясу и покачиваясь от нахлынувшей вдруг дремоты. Будто нужду справил.

«Скотина бронированная! – взорвался вдруг Андрей. – Ну, чего гляделки-то выпучил? Тебе здесь театр?!»

«Привыкай, – отозвался Андр. – Не вечно же тебе отворачиваться!»

Игнорируя изощренные, язвительные ругательства Второго, Андр распахнул двери в обоих концах барака, чтобы хоть немного освежить пропитанный многодневной вонью воздух. Затем опустился в кресло, натужно застонавшее под его тяжестью, и расслабил мышцы, вслушиваясь в мешанину вздохов, всхлипов, многоголосого болезненного храпа и скрипа нар, привычными к сумраку глазами разглядывая изможденные, необратимо запущенные тела этих бывших людей, загнанных в радиофицированные клетки до скончания времен.

Андр сидел так с полчаса, прокручивая в памяти события дня, анализируя, выискивая просчеты, прогнозируя, как вдруг настороженным взглядом поймал движение в одной из клеток. Прихватив из угла шест, Андр подошел.

На нарах сидел крупный жилистый мужчина. Запрокинув голову, он ритмично покачивался, как будто под неслышную музыку. Лежавшие на коленях узловатые пальцы странно шевелились, словно жили непонятной, далекой жизнью. Из закрытых глаз по заросшим седой щетиной скулам катились слезы. Он спал.

Проткнув шест сквозь дверную решетку, Андр ткнул работника в костлявую грудь. После третьего тычка мужчина открыл глаза, потерянно огляделся. Увидав Андра, шагнул к двери, взялся огромными разбитыми ладонями за прутья.

– Парень! – позвал он сипло. – А, парень!.. Где это я?

Обвиснув на решетке, он терся о прутья тощими щеками. С лица постепенно сходило выражение осмысленного удивления, вытесняемого тупой апатией.

– Спать, – сказал Андр негромко. – Иди-ка ты спать.

Потоптавшись, работник вздохнул и поплелся к нарам. Выждав, Андр вернулся к ветхому креслу – коротать душную ночь.

Двойник уснул, связь между ними ослабла, и Андрей почувствовал себя освобожденным. Кряхтя, он поднял с дивана свое погрузневшее тело и потащил было его на кухню, но мысль о еде вызвала в желудке спазмы. С трудом подавив тошноту, Андрей с полдороги повернул, забрался в ванну, пустил чуть теплую воду и обмяк, негромко постанывая. Он чувствовал себя больным и загнанным, в глазах – резь, ноздри еще терзал запах гниющего горелого мяса... будто вернувшись домой, Андрей прихватил с собой частицу того страшного мира.

Не могу, шептал Андрей одними губами. Нет, не могу! Надо что-то придумать, я никогда не свыкнусь с этим кошмаром. Черти бы забрали Андра, он будто нарочно!.. Эта вонь – боже мой! – избавиться хотя бы от нее. Достаточно с меня зрения – более, чем достаточно!..

Он долго водил по телу душем, будто пытаясь тугими струями отделаться от вони, ввевшейся в мозг. Отходил, остывал, успокаивался, пока вдруг с изумлением не осознал, что первой и главной его реакцией на столкновение с жуткой реальностью параллельного мира была обида. Именно обида – на то, что его – холеного, рафинированного, исключительного – с размаху ткнули физиономией в дерьмо. Он-то готовил себя к опасности, к боли и крови, но не к этому обыденному, равнодушному зверству... Андрея вдруг обожгло стыдом: готов ты рисковать, как же! Забыл свои метания в Андра и обратно, когда тот исполнял свой жуткий танец в паре с полусумасшедшим стариком под дулами ружей? А как старательно ты убеждал себя в необязательности своего присутствия: Андр, мол, и сам справится, это риск бесполезный, неоправданный... Сукин кот! Тьфу!..

Морщась и мотая головой, Андрей выбрался из ванной и вернулся в гостиную. Долго бродил босиком по паласу, лаская нежным ворсом измученные за день ступни и попивая прямо из бутылки ледяной тоник. Наконец повалился в кресло, машинально включил магнитофон и задумался.

А ведь его впечатления за день не исчерпывались тем, что ему поставляли заимствованные у Андра органы чувств. Существовало еще нечто – неясное, неопределенное, будто он, Андрей, улавливал те сигналы, которые для Андра оставались за порогом сознательного восприятия. А сейчас Андр спит, мелькнула мысль. Его сознание спит, но не рецепторы!

Не колеблясь, с привычной уже легкостью Андрей отключился от своего тела, переливаясь в спящее сознание Андра, и принялся осторожно прощупывать поступавшие в мозг сигналы, отбрасывая знакомое и привычное, выбирая странное, тревожащее. И, отыскав это, сконцентрировался на нем. Полностью.

Ощущение было жутковатым. Андрей будто передвигался в какой-то неоднородной субстанции, то заряженной – и тогда он передвигался сквозь нее с легкостью мысли, а то вдруг снова он погружался в вязкое мерцание и неумолчный гул, из переплетения которых иногда возникали мгновенные сцены, звучали обрывки фраз. Он пытался задержаться, вникнуть, но накатывала чувственная волна, тяжелая и радужная, и накрывала все собой. Смысл терялся, и Андрея относило в сторону, будто здесь существовали течения, подчинявшиеся запутанным, непостижимым законам...

И вдруг этот странный мир покорежило, смяло, разорвало в клочья и закружило в чудовищном смерче. Андрей услышал, всем существом ощутил, властный зов и неохотно подчинился.

«Ну и где тебя носило?» – спросил Андр недовольно.

«Сойди с пьедестала, парень! – немедленно окрысился Андрей. – Пока не скинули».

«Опять ты за свое! – покряхтел Андр. – Мы же договорились».

«Ладно, зачем звал?»

Когда они оставались наедине, то есть когда глаза у обоих были закрыты, у Андрея появлялось стойкое ощущение, будто они находятся друг против друга в сумрачной просторной комнате... или скорее тоннеле, потому что он видел только боковые стены, а другие две

терялись в зыбком тумане. И с каждым днем обстановка странного помещения и жесткий облик собеседника проступали все четче.

«Я ведь просил меня подстраховать, – сдержанно сказал Андр. – В конце концов, сейчас это не опасно».

«Чего ты хочешь? – вспыхнув, потребовал Андрей. – Ну говори, я слушаю!»

«Спать».

«Сейчас я тебе спою».

«Лучше посторожи».

«По-твоему, мне больше делать нечего?»

«По-моему, нечего».

«А по-моему, ты много на себя берешь. Между прочим, я ведь „слышу“ не только тебя».

«На здоровье! Только причем здесь наша цель?»

«Бедняга! – с сожалением сказал Андрей. – Тебя испортила среда, ты разучился мыслить широко. Ну подумай, мы ведь направляемся за сведениями, верно? А кто нам мешает добывать их прямо из мозгов?»

«Из мозгов однодневки?»

«Да ничего они не забыли! Просто не могут вспомнить. Во сне они нормальны, но, просыпаясь, утрачивают прошлое – как сон. Каждое утро они умирают, день за днем...»

«Как трогательно!»

«Вот те на! А разве тебе их не жаль?»

«Этот режим вырос на их глупости и трусости. Им некого винить, кроме себя».

«Так ты не любишь людей? – заинтересовался Андрей. – За что же ты дерешься?»

«Любят достойных, – сказал Андр. – Ладно, если настаиваешь, попробуем оба пути. Только будь уж так любезен, соратник Андрей, занимайся своими исследованиями не в ущерб основному».

«Осталось выяснить, что здесь основное, – проворчал Андрей удовлетворенно. – Ладно уж, спи! Подстрахую».

Фигура двойника растворилась в сумраке тоннеля, и Андрей остался один. Отдадим боевику должное, подумал Андрей, он разговаривал со мной мягче, чем я заслуживал. Поежившись, Андрей открыл глаза-окна, и обстановку, стены, все помещение смыло бледным внешним светом.

Андрей вступил во владение телом, временно оставленным двойником.

2

Когда-то это огромное здание служило, наверно, музеем либо дворцом, хотя теперь поверить в такое было бы трудно. От того безоблачного времени в нем сохранилось лишь несколько изувеченных статуй в салатových подтеках жвачных плевков да с полдюжины картин под самым потолком, простреленных и закопченных. В центральном корпусе сейчас размещался Питомник, опекаемый женским монастырем, который занимал боковые крылья того же здания. В главном же зале бывшего дворца – громадном, величественном, со сводчатым мозаичным потолком и балконами в несколько этажей – устроили монастырскую трапезную и время от времени проводили грандиозные приемы-вечеринки, на которые каждый раз съезжались практически все свободные от дежурства Служители округа.

Андр не знал, какое событие послужило поводом для нынешнего шабаша: один ли из бесчисленных религиозных праздников или провозглашение очередного «вечного и нерушимого» союза между какими-нибудь монахом и монахиней. Наверняка и большинство собравшихся об этом понятия не имело, да и вряд ли кого-нибудь это всерьез интересовало.

Огромный зал был переполнен пирующими, столы завалены съестным, но еда исчезала с волшебной быстротой – босоногие послушницы, порхавшие между тесно сдвинутыми креслами и лежанками, едва успевали пополнять запасы. Зато с питьем проблем не возникло: в установленные по всему залу краны под приличным давлением подавалось вино из монастырских подвалов. В воздухе стоял неумолчный гвалт. Время от времени то там, то тут вспыхивали ссоры, с унылым однообразием разряжавшиеся мордобоем – к восторгу зрителей. Где-то орали песню, наверняка бессовестно перевирая мелодию, а забытый текст заменяя цитатами из проповедей. Любители наркожвачки методично заплевывали пол зеленой вязкой слюной.

С самого начала пиршества Андр прочно обосновался в затененном углу, отбитом им у трех дюжих монахов и позволявшим обозревать весь зал, не привлекая к себе лишнего внимания. Свое участие в общем веселье Андр ограничивал тем, что не спеша поглощал содержимое тарелок да звонко шлепал пробежавших мимо послушниц по сухощавым попкам, едва прикрытым лоскутками серой ткани. Чрезмерно общительных Андр отпугивал свирепым оскалом, не устранившим лишь маленькую подвыпившую монахиню, которая после неудачной попытки обольщения расположилась напротив и норовила лягнуть его в бедро босой ногой – сапожки она успела где-то растерять. Автоматически отодвигая ногу от азартных пинков женщины, Андр продолжал целеустремленно насыщаться и без надежды наблюдать за залом, прислушиваться к разговорам. Говорили почти все – много, взхлеб, срываясь на крик – идеальные условия для разведчика! Однако в этом мутном потоке слов, в массовом этом словоизвержении не удалось выловить ничего, чего бы он уже не знал, ни одного выболтанного секрета или хоть сколько-нибудь полезного факта, – все тот же замусоленный, десятки раз слышанный треп: о жратве, о пойле, об оружии и транспорте, о бабах... По-видимому, здешние Служители были тем, чем и казались: тупыми, вскормленными человечиною надсмотрщиками, не годными ни на что другое. Управление заводами шло в обход рядовых монахов, и любые их попытки вмешаться в четко налаженную работу предприятий пресекались немедленно и решительно – например, нынешним начальником Андра, настоятелем Уго.

Это была странная личность – невзрачный лысеющий человечек, не выделявшийся среди прочих монахов ни силой, ни свирепостью, ни даже, по первому впечатлению, интеллектом. Но в нужный момент настоятель вдруг с ходу выдавал такие решения – неожиданные, точные, насыщенные пониманием обстановки в целом и данной конкретной ситуации, что Двое только диву давались: их суммарные здравый смысл и знание жизни не сумели

бы управиться лучше. На Уго будто озарение находило, он даже внешне преобразался: распрямлялся, приосанивался (и это не выглядело смешным), глаза становились пронзительными, голос обретал звучность и вкрадчивую властность, – будто все его прежние повадки, мелочные и суетливые, были лишь умелой маской. Свои распоряжения при этом настоятель ничем не мотивировал, разве что ссылаясь все на ту же таинственную Волю.

Оставив настоятеля с его странностями про запас, Андр три ночи кряду изображал из себя монастырское привидение, забираясь в архивы своего монастыря, а на четвертую решил на дальний, опасный, вызвавший энергичные возражения Второго поход в соседний монастырь, переворошил кипы пыльных пожелтелых бумаг – и все для того, чтобы обнаружить там сведения, никуда не ведущие и ничего не объясняющие. И поэтому Андр так обрадовался случаю лицезреть окружную элиту на очередной попойке в бывшем дворце.

А теперь он должен был скучать здесь, вдыхать винные испарения и сносить пинки пьяной монашки, которая, не получив удовлетворения сама, тем не менее исправно отпугивала всех прочих претенденток на роль его подружки. А Андрей только раздраженно фыр-кал, когда Андр взглядом обращал его внимание на какую-нибудь особенно экзотическую фигуру.

Конечно, жаловаться было глупо: путь от границы до этого уютного, в общем, угла не оказался слишком долгим. На четвертый день после внедрения все тот же тонкоголосый толстяк-Служитель отослал Андра в глубь страны, где ему без долгих объяснений выделили отдельную келью, снабдили всем положенным и определили надсмотрщиком в один из подчиненных монастырю заводов. Должность оказалась не пыльной, и дышалось здесь куда легче, чем на границе, – потому хотя бы, что монастырский устав предписывал беречь квалифицированных заводских работников. Да и работниц Служители по ночам не беспокоили – не было нужды. Обитательницы женского монастыря, в большинстве своем молодые, здоровые и привлекательные, с энтузиазмом поддерживали самые смелые начинания монахов, и уж в этом-то их не ограничивал никто. Это даже нельзя было назвать развратом, потому что ничего иного они не знали и представить себе не могли. В сущности, у них не было выбора: любая связь не могла длиться дольше трех дней – таков здесь был срок памяти. Разве что после очередного инструктажа двое случайно сталкивались вновь, чтобы опять окунуться в лихорадочную торопливость любовного суррогата, будто отсутствие долгосрочных радостей люди инстинктивно стремились компенсировать разгулом сиюминутных наслаждений. Впрочем, и трехдневная связь была нетипичной: обычно люди пресыщались друг другом значительно быстрее, что не было удивительным при таком катастрофическом обмельчании душ, и продолжали поиск в новых партнерах – новизны ли, чувственности ли, или еще чего-то, о чем сами они давно и прочно забыли...

Андр ощутил внезапное оживление двойника и, оглянувшись, встретился глазами с высокой статной женщиной, разглядывавшей его с надменным вызовом, за которым Второй угадал заинтересованность. Окруженная самым цветом служительской братии, она с комфортом расположилась в самом центре просторного балкона, нависавшего над залом напротив Андра. Серебристый комбинезон из плотной эластичной ткани целомудренно укрывал женщину от ступней до подбородка, облекая при этом все подробности ее роскошного тела с откровенностью второй кожи. По изящной кобуре на крутом бедре Андр угадал в красавице настоятельницу женского монастыря, о которой до сих пор только слышал от знакомых монахов – в форме многозначительных кряканий да восторженных ругательств.

«Ну и что? – спросил Андр. – Пресыщенная похотливая стерва, как и остальные. Только пофигуристее».

«Заметил! – хмыкнул Второй. – Но это-то ладно. А вот когда она на тебя глянула, в ее психодфоне мелькнуло нечто... будто вы уже встречались».

«Действительно, любопытно», – согласился Андр. Он слабо верил в полезность ночных блужданий напарника, но за время их вынужденного сотрудничества не раз убеждался в безошибочности его интуиции.

«Подобраться бы к ней поближе, – сказал Андрей. – Хочу прощупать ее подробней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.